

МОЛОДОСТЬ

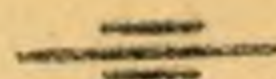

1943 г. г. МОЛОТОВ. № 1

1943

2

МОЛОДОСТЬ

АЛЬМАНАХ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МОЛОТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. ГОРЬКОГО

№ 1

1943 г.

г. Молотов

ИЗДАНИЕ МОЛОТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия: А.Н. Шпелев, И.С. Окунев,
В.Р. Шабранский, П.М. Тарнов, И.С. Литвин, проф. Б.П. Горо-
децкий.

Ответственный редактор: проф. Б.П. Городецкий.

Содержание

От Редакции

Н. Языкова — „Письмо“, „Морячка“, „Осень“, „Увядавшие цветы“ стихи

В. Раткевич — „Лейтенант С.“ поэма

Письмо с фронта представлено М. Баталовой

Рыкман — Стихотворение

Бажанова — Стихотворение

Л. Россихина — „Жду встречи!“ „Королева Марго“ стихи

Э. Арутюнова — „О чем молчит эта дорога?“ очерк

Илья Окунев — „Лирические зарисовки“, „Здесь были немцы“ стихи

Измайлова — „Песня“

Шабранский — „Конверт“, „Надгя“, „Спогади“ стихи

В. Раткевич — „Мечтающей девушке“, „Гитара“ „Прощание с Волгой“ стихи

Кузнецов — „Мечтающая девушка“. Слова В. Раткевича

Ноты

Переводы

От редакции

Из Гейне Перевод В. Шабранского

Из М. Коцюбинского. Перевод Коваленко

Из Гёте. Перевод Г. Пращенникова

О сочинениях и образе жизни Плиния Старшего
Письма Плиния Младшего. Перевод с латинского Н. П. Обнорского.

из Редакции

Историко-филологический факультет нашего Университета начинает выпуск своего альманаха. Какие задачи мы ставим перед собой?

В Испании есть поговорка: «когда будешь человеком не презирай мечты юности своей». Суровое время переживает наша прекрасная Родина, тяжелые годы выпали на долю нашей боевой молодежи. Проживем же их так, чтобы потом с нежностью и гордостью вспомнить об этих годах нашей молодости. Сквозь мрачные тучи войны уже пробиваются золотые лучи нашего счастливого „завтра“. Переживая вместе со всей страной тяжелые испытания, выпавшие на нашу долю, будем же и на нашем участке общего фронта бороться за это сияющее „завтра“.

Мы — сила, потому что нас много, потому что имя нам — „коллектив“. Мы гордимся великим прошлым нашей страны и нашего народа, но мы должны жить и работать так, чтобы наше настоящее было еще ярче, еще богаче, чем наше прошлое, чтобы оно явилось ценным вкладом в будущее. А это будущее можно завоевать только упорным трудом в настоящем.

Мы благодарны к нашему прошлому, но нам мало того, что дает это прошлое. Мы хотим еще большего, ибо мы не растрагички накопленных ценностей, а создатели великого будущего. У нас есть свой оптимизм, это оптимизм борьбы за чудесное солнечное „завтра“. В этом — смысл нашей жизни, в этом — ее счастье. И мы будем бороться за то, чтобы этот оптимизм стал программой нашего альманаха.

Какие же цели ставит перед собой наш альманах? Это прежде всего должен быть альманах творчества тех, кто способен давать что-либо свое, пусть — маленькое,

незаметное, но непременно честное, искреннее переу себя
и другими. Пусть это будет иногда не совершенным по
спорам... Но мы еще молоды, — но это должно быть так
и в будущем было не стыдно вспомнить о том, что
волнует и занимает нас сейчас.

Все ~~и так~~, все области и виды творчества должны найти
свое место на страницах нашего альманаха. И поэзия и
фельетон, и сатира, и критико-библиографическая за-
метка о прочитанной книге, и мысли, навеянные очеред-
ной постановкой в театре, — все это нужный и ценный
материал для нашего альманаха.

Мы считаем, что и хорошая публицистическая статья
и свежая мысль, возникшая в процессе научно-исследова-
тельской или научно-педагогической работы членов нашего
коллектива без различия их положения и возраста — ду-
шо студент или маститый профессор — все, что является
свежим, честным и искренним должно найти место на
страницах нашего альманаха. Человек творческого тру-
да — вот наш автор. Мы верим в наше счастливое буду-
щее — потому мы верим и в будущее нашего альманаха.

Первый номер альманаха выходит в суровые дни войны
под грохот орудий и гул далекой канонады. И это нало-
жило на альманах свой отпечаток — многие произведе-
ния овеяны духом Великой Отечественной войны. Бу-
дем же и в дальнейшем достойны и нашей страны и
наших отцов и братьев, сражающихся сейчас на
фронте во имя свободы и культуры нашего велико-
го народа, нашей прекрасной страны, нашего сол-
нечного счастливого завтра!

Редакция

— 2 —

ЛИТЕРАТУРНО -
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОТДЕЛ

Н. Языкова

Письмо

Ты в серой войсковой шинели
Совсем по другому харюи;
Оттуда, где рвутся шрапнели,
Знакомую короткую шквалю.

В письме загорелой читаю
Сплетение ласковых слов
И, кажется, слышу, мечтаю,
Твой прежний приветливый зов.

Над фронтом промчатся вьюги,
Метели холодный разгул.
Но образ любимой подружки
Ты в сердце несешь сквозь пургу.

Хотела бы я, если можно,
; Такая бы почта была;
В письме переслать остроконечную
Частицу большого твоего.

Чтоб крепко выстояла ^{иная} ешькая,
Ты думая бы: вместе с тобой,
Подруга твоя боевая
Сегодня отправится в бой.

Морячка

На утесе ты стоишь. И нежно
Треплет ветер золотой волос.
А над морем бурным и безбрежным
Гордо реет белый альбатрос.

Ты не сводишь глаз с туманной дали
Ты ногой та ждешь издалека:
Не блеснет ли в голубой эмали
Белоснежный парус челнока.

Ждешь ты долго... Затянувшись очи
Дымкою туманной горьких слез
Вспоминаешь рокот моря ночью —
Не погиб ли молодой матрос?

Чайки машут белыми крыльями
Не принесят вестей издалека
Где-то там, за синими волнами
Полон ветра парус челнока.

Осень

Осень пришла золотая, багряная,
Дали закрыла дымка туманная
Снова пришла, словно гостя ^{иная} незваная,
Осень.

Лес потемневший, лес умиротворяющий
Осень одела в пурпур пылающий
Бросила в небо на купол сияющий
Просинь.

Улетные листья на старой осине
Чуть-чуть подлетают в тихой долине,
Только краснеют гроздья рябины
Светлой.

Ветры унылые слывутся гонимые,
Мчитесь и кружитесь с диким весельем
Желтые листья срывают осенние
Сны.

Лето прощальное. Прощай безразличье,
Рожи тенистые, встречи случайные,
С вами прощайтесь с первого тайного
Слова!

Вьются дорожки. Толпят неизвестное.
Среду веру вдруг становится тесно
Вьются мечты и сткниваются песней.
Слово.

Увядающие цветы

Те цветы, что ты мне подарил
В грустной лоскутной чаше раба-таванья,
Увядают, и, кажется, шепчут они
„До свиданья!“

Яркий цвет лепестков потускнел,
Точно горель влитая он стравивая,
Ветер летний цветы шевельнул и тропил:
„До свиданья!“

Я забуду о них, как и ты;
Улетят и любовь и желанья,
И мечты как покажутся ночью мечты...
„До свиданья!“

Не грусти о былом, не стучи,
Но зачем же в минуту прощанья
Говорю вместо горького слова, Прощай
„До свиданья?“

Родинам

Действительный С.

1. часть.

Нас зовут, пробное содроганье,
Пусть моя псалом звучит, как привет!
Разве можно молчать об этом?

— Нет!

Если бунтует дух канонада,
Это — на своем слезных восток!

Сегодня просто сказать надо:

— Родина! Я тебя люблю!

Я знаю, над миром, войной огуманенной,
Слова великуют счастливые зори.

Но если Родина в битве ранена,
Тогда узнаешь большое горе.

Сейчас ни к чему бесполезные жалобы,
Оружие гнева надо вздымать!

Я эту землю и груди прижал бы,
Как дорожку и нежную мать!

Юность и Родина наш уорога

Сегодня горюю песню вызвеню

О юности, взбуренной против врага,

О любви, отпущенной делу жизни!

.....
Эта была в туманах далекой Карелии,

Под разрывы снарядов, под стоны пуль

Как боек, окровавленный, в битве протреленный

Умирал иль.

.....

Дань отпущи в Кангас-Ярви,
Над лесом зора убяло,
В свечесть тумана одесась
Тузая белае нэбь;
Ветер, как женщина, обня
Прятливуо Серьтавану
Волны Северы целует
И улетают зрочь.

А там, у болот Сури-Суо,
В диких перелестях лесох,
Там, — у болот Сури-Суо —
Враг

.....
— Боевое зорение, товарищи комраты,
Каждая минута нам дорога
Из человек, 3 пулемента —
на 20 часов задержатъ врага.

Не скрою — заданье очень опасное,
Но это наш долг и наша честь!
Надеюсь, вам остальное ясно?
Есть!

.....
Остро дышет празлоудь,
Ночи опущають крылья
Светло белае нэбьцо,
Влажный туман плывет...

От топот болот Сури-Суо
Ветер не только шильт —
От топот болот Сури-Суо
Враг

Идет!

А там, где вьзывает сонно
Озера тихая гладь, —
Важнейший центр обороны —
Высота 125.

Ветер повис без движения,
Все заснуло в забвенье
И в грядущем сраженьи
Лес шелестит едва....

Час... Два...

И вдруг, неожиданно,
Ночь оглушенная,
Взорвалась разрывом первой мины,
Встречей с новым отрядом взбешенные
Пошли в атаку пьяные финны.
Лейтенант С. — командир отряда
Занимал высоту 125 —
Спокойно, товарищи! Стрелять не надо —
Надо ждать.

Финны близко, хоть рукой их тронь,
И когда, казалось, не выдержат нервы,
Лейтенант командовал громко: — огонь!
Получайте по назначению, стержни!
Правда, способ печенья странный,
Но зато результат хорош:
Финнов, даже мертвецы пьяных
Вниз отрезвил свинцовый дождь.

.....

В волны реки Саары
Утро глядит сурово,
Летние зори развесили

Свой окроболаженный флаг,
Хмурится Кангас-Ярви,
День рождается снова,
В тленном дыму сражений,
В бешенстве новых атак.

.....

- Товарищ сержант,
Вам порученья:

Каждая минута сейчас дорога —
Прогните позиции и подкреплены,
Чтобы отбросить назад врага.

Дорог и патронов слишком мало,
А снаряды финнов растут и растут...

Скажите, что будет если Суртавала
Если враг займет высоту!...

Может не встретится больше, прощайте!

.... Сержант в волнованно отступил честь —

- Товарищ сержант, приказ выполняйте!

- Есть!...

.....

Дымный ветер пошел сильнее,
Лучами солнца иголь сверкал....
Но преле ветра, солнца горячее —
Огневой шквал.

Каждый куст был пулями сложен,
Мины тепло земли рвали;
Но снова враг остановлен, отброшен,
Снова бешеный натиск сдержали.

Дале раненые к оружию ползли,
Чтобы сражаться за родину вновь —
На запекшихся губах, земли
Кровь.

— Товарищ лейтенант! У вас ранение!
— Да нет, царапина, пустяки....
Эх, скорее бы шло подкрепление,
Чтобы ударить врага в штыки.
Врагу не будет сдана Сортавала,
Снобы и болотам финнов отбросим...
Сколько в живых останется?

— Веселье....

.....

Бледный, даже как будто ступоренный,
К лейтенанту поуполз боец.
Без слов понятно — выщипали патроны...

Конец.

Как те тоскливо стало в груди
Лейтенант оглядел притихших бойцов
— Ребята! Смерть нас ждет впереди —
— Смерти надо смотреть в лицо!

Того, кто жизни сказал «конец»,
Отвагу — попробуй — смерть!
Восемь штыков — восемь сердец
— Атаки на смерть!

Атаки за жизнь.

Впереди лейтенант.

Нервы — предел напряжения...
..... На небе застыл бездвижная
Солнца огненный шар...

Ожог... Удар...

Боль....

.....

Синее небо Карелии,
По небу плывут облака...
Боль туманом глаза стелет,

Боль острее штыка!
 Разбита в локте рука,
 Ноги совсем онемели.....
 Тихо плывут облака
 По синему небу Маретти....

.....

О, как не хочется умирать!
 Двигаться..... Только двигаться.....
 На встречу смерти слова встать,
 За жизнь, за молодость бороться!
 Да нет, уже не встанешь танкеръ—
 Пулей пробита нога!

..... Всего в десяти шагах
 Смерть.

Суровая земля Карелии;
 Стоны и плачь вокруг
 Жизнь — прощай!
 — И вбег!.....

— Неужели!

Неужели это не радостный сон?
 Жизнь!
 Радостно сердце олять напиво!
 Из полюбившего сердца вырывается стон
 — Все!!!

Спаси!

Письмо с фронта.
Представлено Н. Веттеном

Здравствуй Майя!

Пишу тебе уже несколько писем — ответа нет. Могла бы поблагодарить Левку — фразювика. Впрочем обижаться не надо: я не знаю, где ты сейчас. Пишу из Москвы, на моем дом 35. Знаешь, Майя, временами мне кажется, что в доме 35 вовсе не был, а что это только сон, милый, дивный сон.... Война меняет людей: трудности, которые необходимо переживать, меняют характер, человек меняется. Мне не верится теперь, что я когда то играл в волейбол в доме 35 по Красно-Пролетарской улице....

Не верится что были ты, Юля, Лешка Шабаповский, Женяка..... Все наши друзья.... Ты помнишь их? А помнишь наши литературные вечера на крытом в зомья столпке под кленом.

Не верится, что я играл в волейбол, сидел на столпке, любил, равновал, писал. Символическую трагедию? Милый сон.... Наивный сон, наивный лет.... Вчера была прекрасная белая ночь. Я помнил родную Москву — джаз, и глядя на величавую луну, дышал осенней ночью, вспомнил Звенигород. А помнишь ты его? Все это далеко.... Кажется и юность юности и та уже прошла. Мы стали взрослыми.

..... В мой дом на колосах доносятся глухие раскаты канонады — это наши артиллеристы не взирая на лирическую ночь, по делу, по рабочему разговаривают с немцами. Да, конечно, все это — сон.... А были — резкие артиллеристы.

лерицские залпы, горящие деревни, вой бомб, свист пуль. Сон — тихая ночь в доме 35. Спокойное небо со звездами и клен, лениво шелестящий листвою....

Быль — небо войны: звезды — это вспышки снарядов от зениток, быль — горящие костры самолетов и чуткие прожектора, щупающие небо. Война, а ночь все равно такая лунная! Товарищ сидит возле моего дома на колесах в окопе, зорко всматривается в тени от деревьев, вслушивается в чарующую ночь. Думает о девушке, которую оставил в Ленинграде. Прошло два месяца войны, есть, что вспомнить. Но я берегу эти воспоминания, храню их, прячу от самого себя; еще не пришло время браться за них.... А оно должно прийти! Воля к жизни выпечит даже от самого тяжелого ранения, вернутся фронтовики с победой, тогда вспомним.... За эти два месяца я потерял много товарищей. Один из них умер у меня на руках. Когда то он спас меня от неминуемой гибели, а теперь вот, случайная, шальная пуля настигла его... Он умер мужественно, спокойно. Мы беседовали с ним. Пока послали за повозкой, я держал его голову на своих руках, а он тихо, стараясь не говорить лишних слов, просил меня заехать к нему домой, к старушке матери, в родную Орловскую область, успокоить сердце старушки, пожить с нею, хотя бы недельку. Просил рассказать его девушке Гале Коробовой, как умер ее Костя.

Если я останусь жив, первое, что я сделаю, это поеду в Орловскую область. В родную...

тину деревушку, поживу с его старушкой... Приглашу к себе... Когда подъехала павозка с носилками и Костю спали класть на носилки — он умер. Я поклялся отомстить за него! Ненависть становилась огромной. Я хотел мстить за сотни таких же, как мой фронтальной друг Костя, за советских людей, за нашу культуру, за детей, за девушек, за человеческое счастье. Ну, а если мне не удастся выжидать последнего желания Кости, если и меня настигнет пуля, то я постараюсь умереть также мужественно, как и он. Будут напители и за меня и за него. Везде нам есть во имя чего умирать, во имя чего жить... А друзья мои меня вспомнят... И за столом, под Новый год, мирный, счастливый победный год скажут несколько теплых слов и тихий торжественный звон рюмок будет самой большой наградой за все лишения, которые сейчас необходимо переживать. До скорого свидания. Крепко жму руку. Лева.

Р. С. Вспомни меня 25 сентября

Стукнет 22 года. Потом еще — подарь мне что-нибудь на память. Карточку — пошлешь заказным письмом. А если какой-нибудь пустяк — зеркальце или пенчик Блока — пошлешь посылочкой. Хочется иметь память.

..... И опять затудела ночь, бой. Коммуно. Успел помечтать парнем в час затишья. Ну, пиши, пиши скорее.

Левка.

Рынок

Шум моторов, привычное дело,
Рабочая масса, лекала в руке,
Работы много, только делай
Вот горы фетялей навдалеке.
Шесть часов склонялся работаю,
Десять минут перерыв на обед...
И настроенье какое-то бодрое,
Тихелько затлились звездочки куплет...
Два слова сосезке, слегка потянешься,
Посмотримь-посмотимь идути чередой,
И снова в работу привычно втянешься,
Позорня старается рядом с тобой.
После работы воздух мерзкий
В себе вдыхаешь глубоко-глубоко.
Почему-то незаметна бегая стрелкой
И на душе почему-то легко.
Идешь смеешься, перекликаешься,
Звезды сияют с черных высот,
В обиде-кляти, как спать завалишься,
Можется ночь очечь быстро сродулет.

Бажанова

Расцветила черемуха в мае
И задумчивый sereneйший ден,
Кружевыми ветвями кивая,
Осыпала душистым дождем.

Жил когда-то здесь мальчик веселый.
У него был мечтательный взгляд,
Звонче всех его развостный голос
Раздавался в ватаге ребят.

Покосились у дотика ставни,
Проходили годы, словно дым....
В старый город, тот мальчик недавно
Возвратился, — но только имым.

Он вернулся, в боях закаленным;
А в глазах была — серая даль,
И у сердца, на френче зеленом
За отвагу блестящая медаль.

Видно, вырос он сильным и смелым —
Только смелых растит консомол!
.... Подошел он к черемухе белой
И обнял ее сморщенный ствол.

И сказал ей: „Старушка, здорово!
Я с тобой увидаюсь рад!
И где чной, как и в юности, слова
аша тишннственный раскинулся сад.

Только, зная, я скоро уеду:
Не пришел еще битвы конец,
И сражается теперь за победу
Должком какою советник божь!

.....

И судая черепушке что-то
Прощупала тыльного в ответ.
Мне кто еще питривату
Посылает прощальный привет?

Восхищение

Виду встречи!

Мой милый друг, ты помнишь нашу встречу,
Шумели воды раннею весной,
Смотрел на землю синий теплый вечер,
Последний вечер звездно-голубой.

Ты не сказал „Люблю тебя... родная“
Ты не сказал „Любимая моя“
Я знала я, — ты завтра уезжаешь
На много лет, в далекие края.

И я ждала: вот скоро ты вернешься
И в долгожданной вечер голубой
Ты нежно-нежно, милый, улыбнешься
И скажешь: „Друг мой, снова я с тобой“.

Но грянул гром — позорный гром военный
И поднялась, могуча и сильна
На зав. восток, на гневный и свлеченный,
Последний бой советская страна.

И милый друг за реками, морями,
Садясь в свой легкий, верный самолет,
Послал одну лишь строчку телеграммы
„Я ухожу, любимая, на фронт“.

Королева Марго

Песнь старого трубача

В залах роскошных безмолвствует сон....
Золотом блещет пустынный трон,
Падает луч на пурпур его....
— Где ж ты, моя королева Марго?

Легкой ногою ступи на ковер
В кюври вилетю тебя лунный узор.
Франция спит,
Сенки шумит,
Сердце мне в тебе грустит.

Тоска мочит в душе у меня,
Сердце не видит ни звезд, ни огня....
Холод и грусть победить не легко....
Где-ж ты, моя королева Марго?

Смело ко мне мой ангел сойди,
Блеском очей мое сердце буди
Тебе отдаю
Песню свою
В ней бриллиантом горит: „люблю“.

Э. Друтюнова.

Уходящему по дороге
истории 1942 году.
Автор.

О чем молчит эта дорога?
1 очерк.

Едем по Минскому шоссе на газогенераторной машине, которую кто-то пренебрежительно окрестил „самоварен“. И, действительно, пылит она некилосердно. Сидим мы в машине спиной к ветру, лицом к Москве. Последнее строение, на которое обращены наши взоры, — это красивое белое здание с четырьмя колонками, поднимающимися высоко над крышей. Постепенно этот вид исчезает из виду, и мы с жадностью, боясь, что и колонки скоро исчезнут, смотрим на них, запоминая очертания этих последних примет родного города. Но вот стройные колонки опускаются все ниже, словно погружаясь в землю, и перед нами вырисовывается чистая линия горизонта.

„Прощай любимый город...“

— тихо запевают девчушки и тут же заполкают....

Мы едем в райсн, недавно освобожденный от фашистской оккупации. Нам предстоит опять / в который раз! — с гордостью отметить каждый про себя / покинуть университетские аудитории, чтобы идти на помощь

туда, где еще свежи слезы неизбывного горя, при-
несенного на нашу землю фашистами.

Срок нашей командировки 3 месяца. Поэтому мы
и прощаемся так нежно с любимым городом, кото-
рый вновь придется увидеть только зимой, ког-
да он уже покроется снегом.

Противившись с Москвой, я обращаюсь лицом
вперед, чтобы лучше наблюдать дорогу, по кото-
рой недавно пронеслась огненным шквалом война.
Аэродром, земляные укрепления, окопы, противо-
танковые «ежи» и прочие военные сооружения, ко-
торыми словно оцетинилась Москва, глядят на
нас с достоинством, как будто гордятся собой
за одержанную победу. На щитах, на стенах
полуразрушенных зданий, на каменных плитах
по краям дороги — везде кричащие буквы сли-
дываются в лозунги, совсем недавно провожа-
вшие наши войска на разгром врага... «Смерть
немецким оккупантам!» «Воины Красной Ар-
мии! Отгоните прочь фашистских убийц!»
«Вперед на Запад!»

Вперед, на Запад летит девятка бомбарди-
ровщиков. Мысль моя летит за ними. Я ви-
жу, как во вражеском стане наши бомбы рон-
дают смерть, и к белорусскому небу — свиде-
телю страшных людских мучаний — поднимает-
ся огонь. Из цепких лап смерти наши само-
леты быстро выскальзывают и возвращают-
ся назад.

Вот они, действительно, опять показались
на небе: теперь они уже летят навстречу
нам, домой. Но взор мой неприятно беспоко-
ит ассиметричное расположение самолетов.

Пересчитываю их — оказывается возмущается только восемь машин. И в гуле их, вместе с гордостью победы и радостью возвращения, мне чудится грусть о погибшем товарище, вытатившем в последнее боевое задание.

Спряталось солнце, начал поросить туман; дорога оказалась сразу серым и тоскливо плочурым.

Вдруг самовар⁷ наш стал поминать выжатым все слабее и, совсем затихнув, отключился: топливные запасы кончились.

Пока происходила заправка, самовары⁷ мы сложили и разошлись в разные стороны.

После грохота машины меня поразила тишина стоявшая вокруг. О какой суровой тайне молчит эта дорога? Напряженным нервом тишина эта кажется кричащей о человеческой скорби и страдании. Слева от дороги торчат две-три печные трубы и несколько обгорелых бревен. Говорят что на этом месте была деревня в 30 или 40 колхозных дворов. Где теперь милые ребятники, бежавшие здесь по солнечной деревенской улице? Что случилось с кристошекими девушками и парнями-работниками и неутомимыми весельчиками, дуборажившими ночью машину смехом, пляской и частушками?

Не отвечает, молчит истлевшая деревня.

С правой стороны дороги — небольшой березовый лесок. Я вошла в него. Нет, это был не лес а скелет его. Был разгар лета, а здесь березы стояли без ежиного листочка, на земле росла зеленая трава, на гнях не было маха. С ужасом чувствовала я в этом лесу огненные дыханье войны, которое как будто высушило

Здесь природу и уничтожает совсем жизнь. На одном пенке я увидела семейство кыжик (то грибов). Думая, что это знакомый мне сорт сухих поганок, я обрадовалась даже этому маленькому признаку жизни. Но рассмотрев их ближе, я увидела, что это были "лисички" совершенно выдохшие и превратившиеся почти в шелуху. Страшно стало в этом мертвом лесу.

Столкнувшись о железные разбитые камни, выпавшие под ногами, перелезая через поваленные деревья, я вышла на дорогу и вернулась к товарищам, которые собирались уже отъезжать.

Скоро опять выглянуло солнце, и ласковые лучи его рассеяли тяжелое впечатление.

По иному взглянула я на окружающее и убедилась, что вся исцеляющая сила природы уже смягчает ужасные следы войны. Как то трогательно рядом с торчащими печными трубами выглядели молодые березки напоминавшие девочек-подростков в нарядных платьицах, на которых вместо оборок трепетали по ветру блестящие писточки. Эти березки и мощный лес, уходящий вдаль и роскошная сочная трава на зеленых лугах — все говорило о том, что жизнь как всегда и на этот раз восторжествовала.

Вот мы уже подъезжаем к городу Р. — месту нашего назначения. У самой черты города стоит разупороченный пункт. Постовой, гарнизонка с смеющимися карими глазами, обрадованно встречает нас: — А, москвичи? Привет! Как там Красные ворота, целы? Угловой дом направо от метро — знаете?

Кто то из глубины машины встрепенулся,

спешит обрадовать москвича:

— Да, да! Я же рядом живу. Все в порядке, товарищ!

Постовой прикладывает руку к козырьку, и улыбаясь, протягивает указатель по дальнейшему направлению нашего пути.

Уже вечерело, когда мы въезжаем в город. Первое городское строение, которое мы видим, это полуразрушенное нежилое здание. Стены его почти сплошь исцарапаны осколками снарядов, и кирпичи выглядывают из под белой штукатурки, словно красные садины на человеческом теле. Мертвыми глазами смотрят на нас зияющие окна безрам. На дверях вырезана ножом надпись: „Вотаскелл“.

Мы входим в этот израненный и истерзанный советский город, в котором еще свежи следы немецких злодейств, но который понемногу начинает оживать, и в душе у нас — горячее желание всеми силами способствовать его возвращению к жизни.

30-31 декабря 1942 г.

Илья Окунев.

Лирические зарисовки

Осень

Пришел и близ кровати ветил.
— Сядишь в ногах, поучьше-ка!

Я покорился. Сел. И стал
считать фаланги пальчика.

Ты не сказала мне — Не тронь!
стыдясь соседкой шити.

И вот, уже твоя ладонь
претерпевает сжатие.
Ты первая без робости,
так просто и так вдруг
мост над бездной пропасти
построила из рук.

На слово „люблю“ с рождения скуп.

Его на ветер не брошу я.

Но в этот миг из сердца и с губ:

— Какая ты хорошая!....

.....

К Перки второй прошел трамвай,
звоня на струнах рельс.

Обняв, сказала: — Ну, вставай? —
Обратный скоро рейс

Двоим, как мы мешать нельзя,
а чем — не нужно парочка.

Но все-ж ушел, любовь неся,
и счастье очень бережно.

Зима

Я знаю на стене чья
лежит шапченка беличья.
И для меня — стужа солдата,
чья строчка всегда строга,
она была, на днях кагда то,
по крайней мере дороги.

Весна

Утром пятая в весенней мушке,
не виден в мушке блеск монеты.

Но потомучь сказала мне ты:

— Ты стал, Нлья, пошлей и хуже!

P.S.

Она — мамонта

Я не вижу

ее сивозь радужную жужу.

„Здесь были немцы“...

Ю.Г. посвящаю

Поблизости страшные картины
под морем срубленных садов
и потерянца и руины
недавно цветущих городов.

Бежал и зверь и птица
и край стал гол и пуст
лишь кое-где топчется
одинокий куст.

Еще недавно пышный,
он потерял свой облик,
безжалостно постриженный
пулями над бобрик.

Здесь был еще недавно
зажиточный колхоз
и люди жили славно...

Теперь один лишь пес
бредет среди пожарища
в поисках товарища

Но пес не потерял надежду
один оставшись и ничей
и в ожидании бродит между
попуразрушенных печей.

Позёмкой ветер выласкал
раны этих мест
и под снегом выскочил
уцелевший крест

На полях отчизны,
истерзанных окрест
лишь говорит о жизни
христианский крест.

А там где клубы школы
еще недавно виселись —
теперь до жуть голо
и только пары виселиц.

И на краю околицы
лежит снегом запертый
труп распятой школьницей
галстуком запертой

Здесь в 1741 немцы...

Измайлова

Песня.

Песня!... Я безумно люблю песню!

Песня меня волнует, увлекает, зовет на подвиг. Мне хочется петь стоя на вершине скалы над распрости-
ранными у ног потналивыми холодными льдами Заплярья,
над колоссящими нивами родной Украины, над зер-
кальной ширью Волги, Днепра и Дона.

От силы напева и слов песен, кажется, могут пла-
виться и загораться холодные льды и может нали-
ваться колос на полях. Люблю я песню, как люблю сло-
травить, запрокинув голову, стоя в украинской степи
на летящего вышва-вышва по самому солнцем небо-
ронка. И торжество, и смех, и радость и моя большую-
большую любовь к Родине мне хочется вылить в зву-
ках песни.

Мелодией беззаботной и благоуханной, как едва
уловимый запах подснежника, звучит песня из дале-
кого детства. И возникает образ печальной, не выжа-
вшей радости старой матери. Видишь ее доброе ли-
цо, слышишь ее голос, рассказывающий о далеком
— далеком детстве.

Но вот звучит иная мелодия:

И тогда в ответ повсюду
Из-за дальних гор, хребтов,
Из полей, лесов и тундры
Зазвучит: „Всегда готов!“

И видишь себя идущим в красном галстуке с пио-
нер-отрядом. Улыбка расцветает на картине грош-
ного: Родина, чистые живые стихи, табак-
рихи и подружки...

Ах, песня! Люблю я песню, товарищи!

- Люблю мать, шагая плечом к плечу в рядах,
це ширь необъятная, а молодости — нет конца!
петь, когда солнце, лукаво скосив свои золотые
освещает тебя и твоего друга, сжимающих на о
ном, как скалы, камне на самой середине Буга.

Песня... Есть разные песни. От одних загор
е сердце, горю поднимается голова, широко ра
вняются плечи, взгляд наполняется смелост
друзья-навевают грусть и воспоминания об
ченной молодости, а мысли в кандалах где
в Сибири, в застенках Шлиссельбурга, Петро
ской.... Грусть без отчаяния в сердце, грусть
ная преклонения перед героями, отдавшими
молодость, любовь и жизнь во имя свободы и
народа.

Скрывается солнце за степью,
вдали золотится ковыль... поет старик
и поникаешь грустно головой, слушаешь печаль
напев. И видишь степь, бесконечную степь, с
ицами кое-где красными наками. Вдаль пыль
дороги, по которой идут колодники, грена кану
Душный день умирает, солнце прячется за гори
ковыль колыхается в наступающих сумерках...
Грустно от этой песни. Грустим и благогов
перед ними, идущими на муки...

1917 год... Звучит гимн победы и торжества
"Вставай проклятый заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!"

И загорается взгляду радостью и видишь, как
гнет, сжимая винтовку, пролетарий на штурм

1919 год... "Эх, яблочко, куда катишься..."
на платформе, мечи посердно растягивал гармон
ийский матрос в толпистой толпняшке. Тел

частями парвана, а из-под надвинутой на правую
сторону безкозырьки задорно поглядывают вселые глаза

.....
„ Дашь Варшаву, дай Берлин;
Мы врезались в Крым ”.

Прищуриваются глаза, нагнетаются презрением и уди-
рающим врагам. Кочется свистнуть, свистнут — по-
свистом бьют, как палатку крупы пошади, веле-
ворованто, в сутолокз, на перегонки скачущим в стра-
хе Врангелям, Деникиным и проч. нечисти.

„ Снегами метель порошила,
За Волгой гуляла турга
Не сдал командир Ворошилов
Донецкие шкаты врагам ”.

И видишь, как идут в тургу стразы, идут тесной
стенкой, плывок плечу. В руках — блестящей холодной
стальной стеной — штики.

И враг, таящийся и злобствующий, стальной в
предсмертном ужасе зубь, бессильно пятится назад.
Песня, как остро отточенный штык, вбивается ему
в сердце. „ Эх, тачанка ростовчанка! ” — И-и-ах!
Кони в серых яблоках бешено мчат тачанку, на ко-
торой безусый пупенетчик со свесившимся белоку-
рым чубом лихо рассыпает свинцовый дождь из пу-
лемета. Загорается пламенем взгляд и ты готов
вскочить в лихо мчащуюся тачанку и также сесть
и сеять пули направо, налево, за реку, по мосту,
по полю, всаду, где ты вскакивая, то припадал к
земле; двинутся вражеские цети.

„ Орленок, орленок, мой верный товарищ,
Ты видишь, что я уцелел.
Лети на станицу, родимой расскажешь.
Как сына бели на расстрел ”.

И встает перед тобой совсем еще молодой — такой, про которого говорят бородачи: „молоко еще на губах не обсохло“, — мальченка. Но мальченка вьюном проскальзывает во вражеский стан со своею разведкой. Его ловили, ставили к стенке, но он ускользнул, — улетел орлом на рыжем своем скакуне, чтобы познать орлом, распластавшимся в вихре полета, налетать на вражеские разведки. А вечерами, в часы короткого отдыха, в кругу боевых товарищей он будет с шиком отплевывать так, что дух захватывает. А на рассвете опять поход, опять разведка. Могуче члывчатое восбуждение! Звучат песни и вспоминаются давно прошедшие дни во всей своей полноте и яркости.

Перед тобой проплывають города, люди, события. Видишь, как они шли. Они шли... Шли голодные, оборванные, с потертыми ногами, шли, крепко сцепив винтовки и побеждали или умирали!

Они шли, и песня тяжелая, как свинцово-холодные капли осеннего дождя, задорная и меткая, как удары хлыста, шла вместе с ним, перекатываясь с суховеем по степям, сливаясь с шумом вод. Они шли побеждать. А победили с песней.

А победив, запели новую песню, славя силу и мощь завоеванной кровью родины, воспевая гордость советских законов — Сталинскую Конституцию.

„Широка страна моя родная,
Много в ней полей и рек,“ — звучит песня радости... А в часы отдыха и нежных встреч звучит парчовая песня любви и молодости:

„Ах ты сердце, сердце девичье“.

Но громче всех песен звучит песня о том,
кто лучше всех, кто мудрее всех:

Споем же, товарищи, песню,
О самом большом человеке,
О самом родном и любимом,
О Сталине песню споем!

И хочется мне о песнях этих, песнях сокрушаю-
щих и мощных ласкающих и несутщих любовь,
нежных, как журчание ручейки, звучных, как гром,
хочется песню пропеть такую, какой не пели
еще никто и никогда.

.....

Владимир Шобранский

Конверт

Письма на фронт
писали
посвящая

Тому, кто Родину и победу приближает,
Кто день и ночь в атаке огневой,
Тому так радостно порой бывает,
Когда случайной вестью прилетит
Конверт по почте полевой....

В огне боев и в гуле канонады,
Где жизнь и смерть равны перед страной,
Где умирают потому, что надо,
Там часто ждут, как пакки, как награды,
Письма по почте полевой....

И часто между строчками скучными,
Стараетсяловитьдыханье дорогой,
Смерть над ними....

..... и ждут тогда, как ветры с уорогими
Конвертов почты полевой....

И ждут тогда....

Дождавшись, — сохраняют
У сердца на груди, чья в жестокий бой:
С письмом частицу счастья укрывают!
И за нее в атаках погибают,
И за нее — встанут и побеждают, —
За пакку Родины по почте полевой!

Надя
вірш В Шафранського

Немов на великій дорозі
Зустрілися двоє в житті....
Серця здригнулись в тривозі:
„Разом чи розійтись?“

Ледве розквітла мрія,
Як вихор війни надлетів....
У пішли парубки молодії
На захист країни батьків.

Він їй обіцяв писати
Про життя своє фронтове.
Вона - з переногою ждати....
З думками такими-живе.

Живе і листів чекає.
Та, видно, дарма.
„Чому ж листів немає?
А може... його нема?!“

Ні, ні, не може бути, -
[Гадає в тривозі годин] -
Він обіцяв повернутись,
Значить - вернеться він!“

Немов на великій дорозі
Зустрілись двоє в житті.
Дівоче серце в тривозі:
„Чи разом будемо йти?“

Спогади

вірш В. Шабранського

Якось влітку в скверик біля Камі
Я заглянув в вільної хвилини,
Пам'ятаю - балластраду під руками,
Берег протилежений в сивому тумані

.....
У згадавсь мені Дніпро величний,
Гірка Володимирська згадалась....
Дніпре мій! Старик великовічний!
Сивина твоя покрита кров'ю....

Береги твої, як хмари, дим вкриває,
В ніч летять вогні червонозмії,
В отблесках пожеже немов в крові спливає
Хмурий і новчазний Київ....

Я згадав тебе, мій гордий красень,
Я згадав, як вдома пахнуть квіти
Пригадалась українська осінь,
Листя каштанів на вулицях твоїх...

Ніч українську, осінню прохолоду —
Все згадав, все в пам'яті відбулось:
Навіть шум Крещатика вечірній,
Навіть сні що вдома снілись....

..... У туманом смуток глине в душу,
Та думки в майбутнє залітають....
Я тебе побачу — бачить мушу! —
Знову вільним, мій прекрасний краю!

Раткевич

Мечтающей девишке

Смокли шорохи ночи,
Шопот погас людской.
Чтож вы, девичьи очи,
Смотрите вдаль с тоской?

Вы хотите забыться,
Или вам прошлого жаль?
Легкой дымкой струится
В ваших глазах печаль.

Волны мечтаний плещут,
И с грустью раненых птиц,
Нежной мечтой трепещут
Черные крылья ресниц.

Девишка! Грусть не гурь,
Зачем в прошлом грустить?
Жизнь далеко не прекрасна,
Но так прекрасно жить!

Так пусть же девичьи очи
Вдаль не глядят с тоской...
Смокли шорохи ночи,
Шопот погас людской.

Гитара

Моему другу Кузнецову
и его гитаре — посвящено

Нежной струной гитары
Зачем пробуждаешь ты
Отзвуки грусти старой —
Заснувшие в сердце мечты!

Под солнцем весны далекой
Я песни слогом не раз
О девушке нежноюкой,
О грусти задумчивых глаз

Где бы я только не жил
Я в сердце песни храню
Ее, как девушку, нежил,
Как счастье своим доро

.....
Время без песни летело,
Без песен нет красоты
Сердце мое огрубело,
И в сердце погасли мечты.

Я уж не мальчик прежний
Который, волнуясь, слогом
Песни юности нежной,
Неясной мечты-идеал.

Но грустной струной гитары
Опять навеваеть ты
Тихие, нежные чары —
Забитые сердцем мечты!

И слова птицей чудесной -
Отзвук былой красоты
Льется нечуждою песня,
И несней льется мечты.

Прощание с Волгой

Я вырос на Волге, Широкие пресы,
Крик чайки залетной и взмах ее крыла,
Приволжские скалы, песчаные косы,
Мне стали родными, я их полюбил.

Я видел, как Волга в истоке томилась,
Я видел, как Волга вздыталась весной,
Но память о ней не такую сохранила,
И в сердце осталась она не такой

Задунала осень, войной фанатичной,
Все ближе и ближе гремели бои,
И гневная Волга, дождем потопленная,
Нахмурила темные воды свои.

А в сердце рыдала полярная туча,
Прощальная встреча с великой рекой,
Взгрянул в тумане осеннем вечер,
Кровавую рану поперек за собой.

И в сердце тоже кровавая рана -
Город опустел. Приказ - уходить!
И мы ушли в неизвестность туман,
Тучками, знава, став сердце в гроб.

Прощались с Волгой, Знакомые все
казалось, кричали... Поетой! Погоси
И Волга билась обгородки обутесь
Как билась сердце в моей груди

ПЕРЕВОДЫ

От Рецензии: Изучение жизни другого народа невозможно без изучения его языка и литературы. В нынешнее время не все еще могут изучать литературу чужого народа по оригиналам и поэтому вынуждены прибегать к помощи переводов. Каждый перевод имеет свои достоинства и недостатки. К достоинствам всякого перевода относятся то, что он все таки дает представление об оригинале, к недостаткам — то, что никакой перевод не в силах передать всех оттенков мысли и чувств автора, того несомненного, что мы иногда называем «ароматом произведения».

Изучая иностранные языки сейчас, мы должны готовить себя к активной работе над переводами, поэтому стремиться освоить чужой язык по возможности в такой же мере, как и родной.

И поэтому переводы, а особенно художественные, переводы, будут лучшим средством освоения иностранного языка, закрепления наших знаний. Вот почему мы считаем нужным выделить в нашем альманахе специальный отдел переводов, здесь будут помещаться переводы стихов, прозы, статей силами самих студентов. Пусть пока эти переводы будут несовершенными, приблизительными, но ведь это только начало...

Из Гейне

Снилось мне : месяц грустно смотрел,
и звезды грустно светили ;
Меня повлекло в тот удаленный город,
Где слышится голос милый.

К дому ее, меня привлекло ;
Я к пестнице ртом прикоснулся :
По этим камням шла женщина в
И платье край прикасалось.

Ночь без конца ; ночь холодна,
Как лица серые камни
Безучная тень глядит из окна,
Озаренная лунным светом.

Перевод В. Шабранского.

Из М. Коцюбинского

„Одинокий“ (Из цикла „Из глубины“)

Я слушаю пение, которого не слышит никто :
это поет моя душа. Всею и всюду слышу
се любимый припев : — А ты одинокий !
И ничто не заглушит — я это знаю —
Ничто не заглушит тихого меня :
сквозь стон метели, сквозь шум весны,

сквозь дождь грача и плеск пивня — мне все слышится: Одинокий... Одинокий... Вокруг люди. Плещут их глаза, дрожат их голоса. И плещет серебряную нить разук и золотую оордча. Вальма жизни выхлудит из берегов, шумит и изгрозит — и когда уст полз насаются бокал восселя — я слышу уже знакомый ревнем души: — Я ты одинок!..... Я плачу. Из моего сердце точка летитя ручей в море человеческого гря. И зата такая рука моя протлмута для дружеского пожатия тав, где оно нужно, хотя душа моя раскрыта для тяжелого горя, как цветок для росы, а одиноко.... и вносит с тем — я слышу — веттер из глубины, как бичное проклятье: — Ха! Ха! Ты все-ж одинок! И когда даже возле сердца моего бьетса твоящее сердце, когда две искра соединяются в пламень счастья, когда кажется, что сфинкс уже разгадан и даже тогда.... И даже тогда черным клубком катится в груди мой болезненный и гордый возлес: — Я я... Одинок!

Поревод Новаленко.

Johann Wolfgang Goethe
Die Leiden
des jungen Werthers

В половине одиннадцатого Вертер спросил слугу
вернулся ли Альберт. Слуга отвечал, что да, и что он
еще не пошел, после чего Вертер дал ему записочку
следующего содержания: «Будьте добры, одолжите
мне на дорогу ваши пистолеты. Прощайте. Будьте
здоровы».

Появление мальчика, посланного от Вертера, при-
шло их в большое смущение; тот передал записочку Ал-
берту, который прочтя ее повернулся к своей жене и ска-
зал: «Дай ему пистолеты. Передай ему от меня, что
я желаю ему счастливой дороги, — сказал он мальчику».
Это надеждовало на нее, как удар грома, она не по-
няла, как, качаясь, встала и что происходило далее.
Медленно подошла она к стене, дрожа сняла оружие
медленно стерла пыль и еще колебалась несколько
минут, пока Альберт не бросил на нее пронзительный
взгляд. Она отдала мальчику несчастное оружие и
не могла произнести ни одного слова, и когда тот вы-
шел из дома, собрала роботу и ушла в свою комна-
ту в состоянии невыразимой неизвестности. Ее се-
рдце предсказывало ей самое ужасное; то ее овладе-
вало намерение броситься к ногам мужа и открыть
ему историю вчерашнего вечера, ее вину, ее предчу-
ствия; то она не видела никакого выхода из этого
предприятия; самое меньшее она могла надеяться на
то, что ее муж откажет Вертеру от их дома. Сто-
л был накрыт и одна ее старая придельница, которая
присла Нинь для того, чтобы в чем-то спросить и
час же уйти, осталась и поддерживала беседу за стол

Мальчик с истомою бормотал и Вертеру, кото-
 рый встал из у него с большим восторгом, когда услы-
 шав, что Лотти сидит на стуле. Приказав при-
 нести хлеба и хлеба, он позвал мальчика к столу
 обогреть и она сказала:

Они были в подобии руды, ты сама смотри с них
 глина, я ценю их ты же руды, ты к ним прикасаться
 и ты, небесах садятся, близкое входишь мое решение!
 И ты, Лотти, гудела мне адуры, ны, из твоих рук
 я принимаю желанную смерть и я принимаю. О, я узнаю
 от моего мальчика, что ты ушла, когда ты его по-
 пала ему. Ты не сказала: прощай! Разве твое сердце
 было закрыто для меня, чтобы бросить последний взгляд,
 который соединил бы тебя со мною навеки...

Лотти, ни одно тысячелетие не в состоянии изгла-
 сить твоего образа. О, я муволую, ты не можешь не-
 видеть того, кто тебе был близок.

После обеда он велел мальчику все убрать, разорвал
 множество бумаг, вышел, заплатил долги, опять вернул-
 ся домой, но снова вышел на улицу, не оставил без вни-
 мания даже поливки в графских садах, продолжал
 в окрестностях и с наступлением ночи вернулся до-
 мой и написал: „Вильгельм, я в последний раз вижу
 поля, леса и небо. Прощай также и ты! Дорогая мама
 прости меня! Утешь ее Вильгельм! Боже, благосло-
 ви их! Мои дела все в порядке. Прощай! Мы ведь
 снова увидимся когда-нибудь и будем друзьями.

Я причинил тебе горе, Альберт, и ты простишь меня.
 Я разрушил мир твоего дома, я внес недоверие между
 вами. Прости! Я хочу это кончить. О, вас ожидает
 счастье лишь только через мою смерть! Альберт!
 Альберт! Дай счастье ангелу. И пусть распростра-
 нится божеское благословение и на тебя!

Он долго еще в тот вечер пересматривал свои бумаги, разрывал и бросал в печь, запечатал несколько пакетов с адресом на Вильгельма. Они содержали небольшие сочинения, обрывки мыслей, некоторые из них я просмотрел; и после этого, он в десять часов велел разжечь огонь в камине и принести себе бутылку вина, затем отослал слугу, комнатка которой находилась далеко от него; туза, придя в свою комнату раздеваясь, лег спать, так как его господин приказал ему приготовить лошадей к шести часам утра.

После И: О как все тихо вокруг меня и как спокойна моя душа. Я благодарю тебя за то, что ты дарил мне в последние мгновения эту теплоту, эту симпатию. Я подожду к окну моего блага! И смотри, и смотри еще на разорванные пробегающие мимо облака, на отдельные звезды вечного неба! Нет, вы не будете уходить! Вечность имеет вас в своем сердце, я стану на звезду моей вечности, любимейшую среди всех звезд.

Когда ночью я шел от тебя, когда я выходил из твоих ворот, стояла она надо мной. В каком-то миге я подолгу смотрел на тебя! Как часто я поднимал вверх руки и с истинным блаженством совершал священные знаки! И еще — о, Лотта! Она не напоминает мне тебя! Разве не ты меня окружишь? Разве я не жажду, подобно ребенку, завладеть всеми мелочами, к которым ты, святая, прикаснулся в дорогом видении!

Я попросил твоего отца в одной записочке описать в неприкосновенности мой труд. На кладбище он оставил две лампы, там в углу перед статуей; там хочу я сидеть. Он может, он сделает это для своего друга. Также прошу я его, что я не хочу быть в твоем скромном христианском, чтобы их твои лежали

дом с моим грешным телом. Ах, я хотел, чтобы бы меня похоронили у дороги или же в одинокой долине, чтобы священник, осенясь, прошел перед моим камнем, или же наркиттанна грохнула бы слезы.

Лотта, я не дрожу перед злодейской ужимкой чащей, из которой я должен выпить отравленную смерть! Ты поцелуй мне ее, и я не колеблюсь. Все! Все! Так вытесняются все желанья и надежды моей жизни! Как жестоко, как жутко стучать в ворота смерти. Я считал за счастье умереть для тебя!

Лотта! Я принимаю себя в жертву тебе. Я умру мужественно и радостно, если оставлю тебя опять в покое и блаженстве твоего существования.

Я хочу, Лотта, быть погребенным в этом месте. Ты к нему прикасалась: оно священо. Я так же попросил об этом твоего отца. Моя душа воскреснет. Я не хочу, чтобы беспокоили меня. Ты носила на своей груди этот бледнокрасный бант, когда я увидал тебя в первый раз в окружении твоих детей - о, поцелуй их тысячу раз и расскажи им о судьбе их несчастного друга. Любимые! Они всегда играли вокруг меня. Тот бант пусть будет погребен со мною. Ведь ты подарила его мне в день моего рождения!

Ах, я не думаю о том, что муть моя скоро завершится! - - Будь спокойна! - Они заряжены - бьет 12! Паря! Лотта! Лотта! Прости! Прости! -

Только один человек увидел вспышку пороха и звук выстрела; но так как все по-прежнему было тихо, то он не обратил ни это внимания.

В 6 часов утра слуга с фонарем входит в

комнату и видит своего распорядка на полу, на
и кровь. Он вскрикивает, вопрошается до
не отвечает, а только кричит. Он бежит к
к Альберту. Лотта слышит звонок, дрожь
вост все ее члены. Она будит мужа. Они встали.
Слуга сообщает, плача и затрясаясь, страшным
Лотта без сознания падает перед Альбертом.

Когда медик пришел к несчастному, то
шел его на полу без надежды на спасение; пу
бо бился, члены были еще теплы. Он прасту
себе голову под правым глазом, нос вытек.
пустили кровь. По крови на спинке кровати не
мо заключить, что он сидел у письменного сто
тем столом, бился в конвульсиях около стула
силев, лежал на спине у окна. На нем были
синий фрак и желтый жилет.

В дома соседей, в город проникали эти вести.

Вошел Альберт. Вертера положили на кров
перевязали пов. Лица было как у мертвеца,
член не шевелился. Лишь из легких раздава
хрипение, то слабее, то сильнее. Ждали его
был выпит лишь один стакан вина. Раскры
„Эмилия Галотти“ лежала на топире.

О смущении Альберта, о горе Лотты не
говорить.

Получив известие, тотчас же приехал
рый бургомистр. Обливаясь слезами, он поцеловал
рающего. Его старшие сыновья стояли у ног Вер
они упали у его постели с выражением неукратим
ли, целовали ему руки и губы, а старик, которого
бил больше всех, не мог оторваться от его губ, и е
лой оттащили.

В 12 дня Вертер умер. Около 11 часов ночи

...некому нести, которое он сам себе выб-
 Лиса старик да сынъзя следовали за гро-
 Альберт не мог. Боялись за жизнь Лотты.
 несли ремесленники.
 одно духовное лицо не сопровождало.

Перевод Г. Пряженникова.

О сочинениях и образе жизни Плиния Старшего (24—79 н.э)
Письма Плиния Младшего, х) III кн. №5

Гой Плиний посылает привет своему Бэбию М.

Очень мне приятно, что ты усердно читаешь чинения моего дяди, хочешь приобрести их все и даже их перечень. Я исполню роль указателя и того сообщу тебе, в каком порядке они были написаны: в порядке интересующейся наукой приятно и это. — "О метании копий в кавалерии" (1 кн.)

— Он написал это сочинение, когда командовал кавалерией конницы и обнаружил в книге и умные мысли. — "Биография Помпония Секунда (2 кн.) Последний любил автора, который, так сказать, уплатил дружбе следующий долг.

— "Германские войны, в 20 книгах", где собраны материалы о всех войнах, какие мы вели с Германией. Он начал этот труд, когда служил в Германии по указанию сюзерена. Когда он стал, ему пришлось, будто перед ним стоит Друз Неронский, одерживая блестящие победы в Германии, поощрять его. Друз вверял ему память о себе, сил освободить его от несправедливости зависти. "Учащийся", в 3 книгах, разделенных в несколько больших томов на 6 свитков; в нем дан курс ораторского искусства от начала и до конца. "О сомнительных словах, в 8 книгах"; сочинение написано в последние годы правления Нерона, когда свобода сделала опасными всякого рода литературные исследования, мало мальски самостоятельные и независимые. "Продолжение истории Африки в 3 книгах"; "Естественная история" (х) в 37

— произведение обширное, широкое и столь же разнообразное, как и сама природа.

Ты удивляешься, что вообще занятым человеком написал столько свитков; и в том числе работы, исполненные с такой добросовестностью. Ты удивишься еще больше, когда узнаешь, что он некогда некоторое время занимался судебной практикой, умер на 56 году жизни и все время прожил, занятый и загруженный службой, то в весьма больших должностях, то как друг принцепса. Но он обладал острым умом, невероятной работоспособностью и величайшим усердием. В праздник Вулкана он начинал рабочий день не для производства птицегаданий, но для научных занятий, тотчас с полуночи, а зимой — с 7, самое позднее с 8, а часто с 6 часов^{час}. Правда, он весьма легко засыпал, причем сон наступал и прерывался иногда среди занятий. До рассвета он шел к императору (ибо тот также пользовался для работы ночным временем), оттуда на службу, ему порученную. Вернувшись домой, он остальное время дня отдавал научным занятиям. После принятия пищи в дневное время, по обычаю предков легкой и необременительной, летом он, если бывали свободные минуты, лежал на солнце, читал книгу, делал заметки и выписки из всего, что он читал. Делая выписки, он говорил, что нет ни одной настолько плохой книги, чтобы она в каком-либо отношении не была полезна. После принятия солнечной ванны он большей частью обмывался холодной водой; затем завтракал и засыпал на очень короткое время; вскоре, как будто это было на другой день, он занимался до обеденного часа. Во время обеда читалась какая-нибудь книга, делались замечания.

...и, но боги, Я помню, как один из друзей,
когда отец произнес какие то слова неправильно
перебил его и попросил повторить их. Тогда мой
дядя сказал перебившему: „Ты конечно понял?“

И когда тот ответил утвердительно, дядя сказал
„К чему же тогда ты перебивал? Благодаря тво-
му вмешательству мы не прочитаем десяти пише-
ных строчек“. Так он дорожил временем. Летом

он кончал обед при свете, зимой в первые ночные
часы, и все это с неумолимой точностью порядка.

Так складывалась жизнь среди повседневных трудов
и городского шума. Когда он покидал город, одна часть
ко времени приема ванны отнималась от книжных
занятий. Говоря о ванне я подразумеваю время ле-
жания в воде, так как пока его массировали и ре-
гулировали, он что нибудь слушал или диктовал.

Во время пути, как бы освобождаясь от прочих забот,
он был занят только одним этим делом; рядом
с ним сидел секретарь — стенограф с книгой и те-
радианом; руки секретаря зимой были защищены
рукавами, чтобы и самая суровость погоды не от-
нимала времени от занятий. Поэтому в Риме он

не ходил, а ездил сидя. Я помню, как он парализовал
меня за то, что я гуляю. „Ты мог бы, сказал
не терять этих часов“, ибо он полагал, что
время, не отдаваемое для занятий, погибает.

Благодаря такой силе воли ему удалось написать
столько свитков и оставить мне 160 сборников
заметок — извлечений, написанных с использо-
ванием обратной стороны бумаги и мельчайшим
почерком, благодаря чему указанное число наду-
величить. Он сообщал сам, что мог, когда был
пракуритором в Испании, продать эти заметки

Марцию Лицину за 400 тысяч сестерциев (20.000 р. золотом), а тогда свитков было значительно меньше. Когда подумаешь про себя, сколько он прочел и сколько написал, разве не покажется тебе, что он не нес никакой службы и не состоял в штате приближенных при императорах; с другой стороны, когда слышишь сколько труда он затратил на свои ученые занятия, разве не покажется, что он недостаточно писал или читал? Ибо и служба может послужить серьезным препятствием и настойчивость может оказаться бессильной в осуществлении поставленной цели. Поэтому мне всегда бывает смешно, когда кто-нибудь называет меня усердным, меня, который по сравнению с дячей, является величайшим бездельником. Да и только ли я нахожусь в таком положении, я, которого занимают отчасти служебные занятия, отчасти заботы, налагаемые дружбой? Кто из людей, всю жизнь посвящающих литературным занятиям, не покраснеет бы, как человек, преданный ему и безделью, при сравнении с дячей?

Я слишком растянул письмо, так как имел в виду сообщить тебе лишь то, о чем ты писал, а именно, какие он оставил книги; однако я уверю, что сообщаемое тебе будет не менее приятно, чем какие-либо книги, и что это может возбудить в тебе пыл соревнования и побудить не только к приобщению их, но и к выработке таких же привычек.

х) Гай Плиний Непцилий Сапуру (61-112 г. н. э.), автор учившихся до нашего времени геретиски с друзьями и императором Траяном и похвального слова Траяну и не ушедших до нас, вещей и стихотворений.

х) Единственный труд Плиния Старшего, дошедший до нашего времени.

по Полюсу между 11 ч. у. и 1 ч. дня.

Письмо с патимского П. П. Удморского

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ

ОТДЕЛ

Н. Н. Савинов

Русское искусство эпохи Отечественной войны 1812 года.

События эпохи Отечественной войны 1812 г. всколыхнули всю Россию, явились толчком и испытанием зрелости и жизнеспособности русского художественной культуры и послужили мощным толчком к скорейшему развитию ее лучших возможностей. Общий либеральный погон 1800 годов, чувство глубокой любви к родине, обострившееся вниманием к родному народу (художники формируют тему живого народа XVIII века постепенно превращаясь в тему нации). Это возрождение не было бы столь значительным, если бы искусство не могло столетия не было и некому представлено.

Уже с XVIII века наша Академия Художеств уделяла исключительное внимание проблеме исторической живописи: в 1764 году Я. П. Сумароков указывал, что для художника, первая должность... есть изображение историй своего отечества и лиц великих в оном плече... Таковые виды умножают геройский огонь и любовь к отечеству?

Действительно, ряд картин 1770-1790 годов был посвящен родной истории. Даже понимая ее (в меру постоянного науки в XVIII веке), как, историю князей, художники использовали свои картины для проповеди гражданских добродетелей, указывали на идею законосообразности, поставив задачу не в основу разумного управления государством, обличили губительность «деспотического». В этот инт были возмущены близки и передовым писателями своего времени (взаимотношения художников с Суворовым, Ткачевым и писателями их круга еще ожидает исследователя).

Значительное оживление испытала Академия доживавшая на грани XVIII и XIX в. веков под воздействием и общественной жизни России и идей, порожденных примером французской революции. Несомненное значение для молодых художников имело участие некоторых из них в тайных кружках в стенах Академии и — в начале XIX в. — в хранившей традицию Радищева, Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств.

Искусство, усвоившее высокие идеалы гражданского служения отечеству еще в XVIII в., получило ориентацию в эпоху двенадцатого столетия и показало себя достаточно сильным для активного участия в борьбе всей страны с врагами, достаточно зрелым для воодушевления современников зрелищем великих исторических подвигов Дмитрием Демидовым, Митиным и Покровским. Насколько эта историческая тематика принималась зрителями не исторически, а ежедневно, свидетельствуют невиданные успехи аналогичных театральные постановки — «Дмитрий Донской», «Зеро», хотя бы: «Все сердца уны были настроены патристически и публика сделала применение Муликовской битвы и знаменитой битвы наших войск с французами и в слух встречали овацями слова, произносимые актерами: «ах, лучше смерть в бою, чем партия наша бесчестная».

Так предки мысляли, так мыслить будем мы. Такими же настроениями проникнуты и исторические картины 1800 годов. Все чаще прославляется в них бессмертные патристические герои («Андромаха над телом Гектора», П.Ф. Соколов).

и борьба против тирании („Смерть Пчолопиди“, Андрей Иванова). Все чаще рядом с героями античности встают великие предки русских людей. Художники изображают Дмитрия Донского после победы над Мамаем, призвания князя Полкаратого, его же вместе с Минниным или Марфу Посадницу (исторически не точно изображенное, как победительницу распухших ватомостов Новгородца).

... патристического подвиги заменяет собой в 1800 году... рализующие рассуждения о долге правителя. Вообще (в картинах XVIII в.) Но, кроме того, живопись 1800 г... чляется от живописи 1770-1790 годов новым по... шем центрального образа — трагического теперь, ка... образ вождя народа в героические минуты в жизни народа; образ героя приобретает большую монументальность и народность. Грандиозный размах сражений, мужество русского войска, широкое участие крестьян и партизан в войне, ее народный характер — все заставляет искать новые пути отображения событий. Историческая живопись, приобретая неожиданную, казалось бы, энергию агитационных обращений, указывает зрителю наиболее прямые исторические аналогии происходящему. Так, в 1812 году Андр. Иванов пишет большую картину „Единборство Мстислава с Радзвигом“, прославляя победу над могучим противником, и тем самым, укрепляя уверенность современников в конечной победе России над Наполеоном. В 1814 г. тот же Андр. Иванов, работая над картиной „Подвиг полководца князя Владимира при осаде Киева мече-

написана в 567 году, берет тему более общего порядка, показывая смелость и сметливость монахи, рискующего жизнью для спасения родного города. Но и в этом случае художник отрицает воздействие событий 1812 года. Они сказываются в том, что ижевланкин — не князь, а «герой» в привычном понимании, а прототип и модель патриота, областного героя — любовь к родине и чужим мукаствам; это неграбильное, с точки зрения канонов пышности красоты, лицо становится прототипом в своем воздушном влечении. Проблема «очеловеченной героики» поставлена здесь очень ясно. Более того, участие народа в событиях войны заставило изобразить простых русских людей героями не только давних, но и современных событий.

Авторы картин, сохраняя торжественность строю выразительность стиля классицизма не размениваясь на бытовые мелочи, выделяя самое существенное, — показывали русских крестьян в величии решаемой ими исторической задачи. Сазонов и Тихонов писали в это время свои картины на тему: «Верность русских граждан которые, быв расстреливаемы в Москве в 1812 г. шли к смерти с твердым и благородным духом не соглашаясь исполнить повеление Наполеона».

Размах народного движения породил исторические картины, исходящие от современных художнику бытовых сцен. Лучанин пишет картину «Рекрут, прощающийся с своим семейством». Благословение ратников на ополчение в 1812 году. Ухтомский гравировал вторую из этих картин и посвятил гравюру «Славному народу Русии».

Работы с зарождающейся и развившейся наваик течением в исторической живописи надо отметить и возникновение порожденного эпохой совершенно нового художественного явления — острой политической каррикатурой, получившей широкое распространение. Иван Терзбенев, Иван Мислов, Венедиктов и другие создали ряд рисунков и гравюр, выразивших в лаконичной и яркой форме всеобщее возмущение армян и, особенно, самого народа, наряду с публицистикой несправедливости и вражды. Каррикатуры многократно гравировались и перерисовывались, выпускались черными и раскрашенными, были изданы и в виде азбуки и стали действительными "народными картинками" — свидетелем активной и своеобразной агитационной работы деятелей Возрождения нашей художественной в 1812-1813 г.г.

Воздействие эпохи отразилось и особенности портретной живописи начала столетия, насытив ее романтическим воодушевлением и реалистическими тенденциями. В портретах О. Кипренского — одного из великих мастеров и русской и мировой портретной живописи, был утверждён образ независимого, активного, живущего полной жизнью человека. Среди его живописных и рисуночных изображений воинов и героев начала XIX века выделяется известный портрет поэта, гусара и партизана Дениса Давыдова (1809).

Воздействие эпохи сказалось несколько позднее, уже в пору наступления реакции, в творчестве Венецианова — Отца русского бытового жанра, обратившегося в 1820 годах к изображению бытовых сцен и простонародной жизни. Его

искусство было подготовлено (в опосредствованно-но неизменной форме) так же событиями года и огромной ролью народа в нем. Эпоха обратила художников к народу, насытила элементами реализма их творчество, углубила ее содержание.

Большая тема, едва лишь намеченная в этом очерке, требует дальнейшего и глубокого исследования: эпоха отечественной войны 1812 г. явилась сосредоточением ряда путей в русском искусстве — и идущих из прошлого и уводящих далеко в будущее. Великие события раскрыли богатство и разнообразие возможностей русского искусства того времени.

Творческое наследие эпохи показывает, искусство, живущее одной жизнью с народом, наполняется в грозную минуту новым и мощным содержанием и может вместе с народом участвовать в борьбе за чужую и независимость, родину.

В наши дни — в эпоху великой отечественной войны 1941—42 г. г. наше советское искусство показало себя в высокой степени достойным этих славных традиций. —

Русские пословицы в языке Салтыкова-Щедрина

1.

Старинная мудрость за века стала также тяжестью афоризмов, что из них, камень по камню, сложилась целая несокрушимая стена. Каждый из этих афоризмов утвердился на полях человеческих, запечатлен кровью, имеет за собой целую легенду подвигничества, протестов, воплей, смертей. Каждый из них поражает крайнюю несообразностью, прикрытой, ради приличия, какой-то пошлой меткостью, но взгляните в эту пошлость поглубже, и вы увидите на дне ее целый мартиролог." (Том I, стр. 322, изд. 1905 г.). Такой взгляд Салтыкова-Щедрина на происхождение и сущность пословиц.

Со своей стороны ему пронизательностью сатирик усматривает в семантике пословиц самое существенное, что делает их неизменными, крылатыми и общепонятными, — это обобщение накопленного веками опыта народа, его надежды, дум и чаяний. В этом их сила и убедительность; за ними стоят мощь, изобретательность и остроумие, породившего их русского народа. По мнению Щедрина, пословицы обобщают наиболее типичное и характерное в жизни народа, причем народа не вообще, а народа — труженика. Именно его имеют в виду крылатые изречения и с его точки зрения формулируют они жизненные опыты людей. Вот что говорит сатирик в очерках "За рубежом" относительно ориентации

ции народных пословиц: „Русские пословицы
суть так, живи, живи, однако и честь знай“
заключает, что, как все народные пословицы, он
имеет в виду не природнолюбца, а человека, со
творения сил тянувшего выпавшее на его долю
жизненное тягло“ (VIII, 8). Таким образом, посло-
вицы — это пондеративы морали и философии на-
родного народа, им созданные, его точку зрения выр-
жающие.

Не случайно поэтому Салтыков-Щедрин всег-
да ассоциировал их с идеей патристизма, понятием
родины, отечества, заявляя, что представле-
нию об отечестве соответствует представление
о нравах и обычаях, об играх, песнях и плясках,
приметах и суевериях, о пословицах, поговорках, при-
чах и сказках и, наконец, о неклепменном, но несом-
ненно ходячем словаре (там же VIII изд. 1937 г., стр. 152).

В разбросанных по произведениям Щедрина многочи-
сленных характеристических пословиц повторяется
одна и та же мысль: пословицы есть „мудрости
нации“; самым ярким существованием и об-
разительностью красноречиво говорит о их популя-
рности. „Это не мы выдумали, это сама мудрость
веков говорит“ — комментирует автор пословиц
„ошибка в фразыш не ставится“ (VI, 221), под-
крепляя этим авторитет и неопровержимость на-
родных афоризмов с их формулировкой наиболее
типичных и массовых жизненных явлений.

Наконец, пословицы по Щедрину — объективные
свидетели истории. Эта мысль высказана им в
рецензии на народную книжицу В. Льдова, ко-
рой пытался поразить русского крестьянина
лишь только громадностью его страны. Щедрин

верждая, что это не самое существенное в
мысле воспитания патриотических чувств,
говорит: "... в доказательство можем сослать-
ся на примеры множества русских пословиц,
которые явно свидетельствуют в пользу наше-
го мнения" (V, 1937 г., стр. 337).

Весьма интересно также щедринское тол-
кование художественных и стилистических
качеств пословиц. Сатирик усматривает в них
глубокость и эластичность, которые так ха-
рактерны для его собственных иносказатель-
ных формул. Он говорит: "Есть умная русская
пословица — что русскому здорово, то немцу
смерть"; по нужде, эту пословицу и наоборот
использовать можно. Я, знаете, люблю иногда при-
бегать к русским пословицам, потому что они
всему как-то прилаживаются" (III, 259).

На эту универсальность пословиц, возможность
парирования их и наполнения различным содер-
жанием, двуплановость звучания он неоднократно
обращает внимание.

Просматривая рецензии Щедрина на книгу Н.А.
Артекина "Наши безобразники", брошюру Пятова
"Россия и др.", мы можем извлечь из них следую-
щие замечания относительно стилистики по-
словиц: Щедрина возмущает поверхностное и
легкомысленное отношение к роли пословиц в
художественном произведении, погоня за внешним
кларитом, лишённым органической связи с содер-
жанием произведения.

Он протестует против произвольной интерпре-
тации народных изречений, искажающей их
мысль и стилистику. Автор, по его мнению, дол-

жен сверять их с редакцией известных знаменитых народной словесности — В. Даля, Снегирева, Аронасыева и др.

Одного книжно-кабинетного знакомства с ними явно недостаточно — необходимо проверять и корректировать их в народе, иначе можно взять фальшивый тон.

Нагромождение нелепых, неоправданных сентенций есть признак безвкусицы и бездерзости слова.

Пословицы должны, употребляясь не в намеренно приукрашенных и упрощенных контекстах в обычном, так сказать, сландартно-литературном, где они выступают как полноправные речевые средства, варьирующие и украшающие повесть, а также систему автора и речь персонажей.

Нарушение архитектоники пословиц, неумелая переработка конструктивных традиционных ведут к искажению и обезображиванию этих живописных красок русского языка.

2.

Работа Щедрина над пословицами имеет свою историю, свидетельствующую об исключительной серьезном и вдумчивом подходе сатирика к этим конденсатам народной мудрости. Дело в том, что в архиве Щедрина сохранилась запись 52 пословиц, сделанная им в конце пятидесятых годов.²⁾ Список этот представляет большой интерес потому, что он был составлен в начале многолетней творческой деятельности

2) См. „Литературное наследство“ № 13-14 за 1934 г. стр. 49.

сатирика, и мы, располагая всем пословичным материалом, представленным в его произведениях, можем установить, что из этих литературных заготовок было использовано им и что осталось вне поля зрения автора. Вот какие поговорки фигурировали в начале этого списка, о котором более подробно речь будет идти ниже:

Ах, да рукою мах, а на том реки не переехать.
Ах ты, бабушка-старушка, напилась твоя
душка — пора умирать!

Баба подходит, всем толку пособит.
Без тебя, как без рук: и плюнуть не на что.
Богослов, да не однослов.

Бок болит девятый год, да не знаю в каком
месте

Борода глазам замена: кто бы плюнул в глаза,
плюнет в бороду (зачерки чернилами)

Была бы сщина, а то будет вина и т. п.

Из указанных 52 поговорок в разное время им было использовано всего лишь 19, тогда как в произведениях, рецензиях и письмах Щедрина нам удалось обнаружить около 160 поговорок и более 200 поговорок, из которых многие употреблялись по нескольку раз.

Верный своему принципу вдумчивой работы над словом, сатирик оставил большую часть заготовленных поговорок без употребления. Причина вполне основательна: они не были созвучны его обличительной сатирическому языку.

Если, например, он неоднократно пользовался такими поговорками из этого списка, как «Была бы сщина а то будет вина» (I, 462, так —

же XII, 292), „Лучше наденная рыбка, чем большой таракан“ (VI, 289, 334, IX, 232, 234), „Жил семь лет, выжил семь рен, да и тех нет“ (IV, 172) а в другом случае — „Служил семь лет, выпустил семь рен“ — V, 113), „Беда не чуда — станешь дуть, слезы идут“ (XII, 399) и другие, и много другие произведения сатирика в идейно-тематическом и стилистическом отношении, — то все-таки многое из его литературно-языковых заготовок осталось неиспользованным.

Нам не удалось установить в текстах Щедрина присутствия следующих пословиц из этого списка:

Во-первых, им оставлен целый комплекс пословиц, характеризующих примитивный и грубый взгляд на женщину и семейные отношения: „Ах ты, бабушка-старушка, напилалась твоем сучика — пора умирать“; „Баба подходит, всему толку пособит“; „Где бес не сможет, туда бабу пошлет“; „Женился, как на льду обломился“; „Слава богу! пожили на свете, посрамили людей, пора и честь знать“; „Сошлись отец — перец, да мать — горчица“ и др. Из пословиц этой темы Щедрин использовал лишь язвительный совет: „Снойшенька, будет молодь, отдохни — потолки“ (I, 521).

Во-вторых, более сильные и яркие выражения нашел сатирик для изображения некоторых сторон гостеприимства. Вместо первоначального варианта, внесенного в список и неиспользованного, — „Пили, ели, нудрявчиком звали, а напиться, напилась — прощай шелуцук“ — он использует в „Невинных рассказах“ такое присловье: „Ездил в пир Кирило, да подарен там в рыло“ (I, 531).

В-третьих, Щедрин не стал популяризировать, да же путем полемики с ее содержанием, поговорку о несправедливости мужика „Сколько мужика ни вари — все сыростью пахнет“, так как она, надо полагать, не одобрялась им, не соответствовала его взглядам, хотя и была занесена в список.

Итак, познакомившись с отвергнутым идеологическим запахом, мы рассмотрим тематику поговорок, которыми так богаты произведения Щедрина и которые привлекались им помимо сделанного ранее списка.

Тематика эта строго детерминирована общей направленностью его обличительной сатиры, бичующей общественные и бытовые язвы.

Начнем хотя бы с темы о мужике. Она представлена весьма немногими поговорками, и это объясняется тем, что одни поговорки не устраивали Щедрина в идейно-тематическом отношении, ибо формулировали чуждый ему взгляд („Сколько мужика ни вари — все сыростью пахнет“), другие подмечали такие подробности, которые не были существенными для сатирика („В мужицком брюхе дологото сгниет“). Поэтому не случайно нуждавшийся в идейно-типически-заостренных акцентных различиях этой темы, Щедрин говорит о необходимости создания новых поговорок, посвященных, например, спине подневольного мужика. Так в рецензии на книгу А. Михайлова „Засоренные дороги“ он писал еще в 1868 году: „Но ежели справедлива поговорка, гласящая, что „В му

женском брюхе золото сымет", то не мешало бы подобную поговорку сложить и насчет мужицкой спины. К ней всякий подходит свободно и всякий кладет на нее какую угодно реформу, как будто это не живая спина, а простой, покрытый сурмягой стол" (VIII, 1937 г., 317).

Значительно полнее и разнообразнее представлены у него поговорки, характеризующие Колупнаевых и Разуваевых. Щедрин целиком солидаризировался с теми ироническими отзывами и определениями, которые дал им в поговорках народ: „Далеко кулику до Петрова дня, купчине до дворянина" (VI, 400), „Брюхо болит, где плохо лежит" (VIII, 25) и другие, среди которых многие афоризмы формулируют купеческую мораль: „Можно отца родного купить и обратно с барышом продать" (VII, 446), „Ен (мужик) достанет!", „... с лучком, с перцем, с собачьим сердцем" (VIII, 148) и т. п.

В письмах к тетеньке Щедрин так охарактеризовал целенаправленность своей многолетней писательской деятельности: „Неизменным предметом моей литературной деятельности всегда был протест против произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия и т. д. Войтезь, сколько хатигте, во всей нашей ную написанного — ручамсь, ничега другого не найдете" (II, 549). В этом признании мы находим и объяснение требований сатиры к речевым средствам, призванным озорничать эти протесты.

После знакомства с этим заявлением автора этинобится понятным широкое привле-

чение им тех пословиц, в которых рисуется произвол и бесправие. Они очень разнообразны:

„С пеленок его (Старомыство, Ж. Е.) застывляли петлять: „сила солову помит — три; „плетью обуха не перешибешь — два; „уши выше лба не растут — три; и все-таки полез! (VIII, 199).

„Справедливо гласит русский — пословица: „не бойся суда, а бойся судьи“; мудрость этого изречения нам приходится испытывать на боках наших“ (VI, 464).

„Выше лба уши не растут!“ Этой сверчок свой шесток... Опять! опять эти гостылая, ненавистная, мудрость основ! (X, 326)

Приблизительно в такой же редакции выступают у него пословицы: „И повернешься двоят, и не повернешься — двоят“ (VI, 40). „С сильным не борись“ (X, 62), „Где спина, там и вина“ (X, 462), „На то и щука в море, чтобы карась не дремал“ (см. V, 134, 136, VI, 319, VII, 23) и др.

Тема бедности и нищеты развивается Щедринка с помощью таких пословиц: „Где тонко, там и рвется“ (IV, 668), „По рогажке следует протягивать ножки“ (VII, 161), „Голь на выдумки умна“ (VIII, 106), „Нужда заставит колаши есть“ (VIII, 139), „Чужую беду руками разведу“ (XII, 399), „Старость не радость: и пришибить некому, и унижать не хочется“ (IV, 193; V, 169) и т. п.

Щедринский протест против двоящихся и лганных находил поддержку в многочисленных народных пословицах. С помощью их он очень сильно изобличал, например, пустозловие и пошлые реакционных публицистов, что хорошо представлено в

Неожиданных бедрах:

Но у нас, в неведении чужденца, притом
внимки говорить псевдонимам, помня саму
простые получают разговорный смысл. Такие
выражения "народная политика" означают
боже не лучше говора и пренебрежливости,
во-первых, жизнь духа, во-вторых, дух
жизни "и в третьих" - озорные формы
или, говоря грушею словами: Мет, Ендя,
твоя негеля (VI, 281).

Аналогичное же применение получают и те
глаголы, которые в этой теме: Хел-соль ешь и
правду режь (II, 400), Не хвлясь, щучи икрами
(I, 171), "Не суйи журбан в нде" (там же), Не
губи слова крепить, а губи гернуть (III, 13,
"Вурбара мне метка, а прада мне мамь" (II, 400)
и груше

борак с "пестомышени", Шегрин с помини
основан на притворности и шутовстве, в то
которая для запятой и народными поговорами
Эти конченности народной философии позволяют
ему формулировать и в своем раде слышать заши-
фированную речь и победных, которыми
вот одобрен народом и одобрен в те же миги
Мет: "С волнами жинт, по-волны вынт" (I, 436),
"Продавать шкуру неведья, не губиши его (VI, 281),
"Простота хуже воровства" (I, 304 ср. IV, 31), "Не по-
жени ны в чужом краю сына будить, тогда себе по-
се не покажут" (VI, 143), "Дену время, помехе-чухе

(VI, 279) и т.п.
Масса пословиц привнесена Шегриным в чужие
раскрывая и характеризующи национальный рус-
ский тип, привнес народом, его суждений и помы-

нии. Конечно, русский человек на обиду снослив, да и брань от барату не виснет — но все же есть предостережения: «Ученые свет, а наученье тьма» (VII, 206), «Ученые свет, а наученье тьма» (X, 425 и V, 237), «Поспешивши, людей насмешивши» (IV, 234), «Лей да ума не пропадей» (I, 527), «Конь о четырех ногах, да спотыкается» (VIII, 232), «Иблизок пылать, да не укушишь» (X, 102) и многие другие, при всём том которые не позволяют изменить статью.

Таким образом, оказывается, что для Щедрина потребовались более сильные и яркие в языково-стилистическом отношении и острые в социально-тематическом изречения народной мудрости.

3

Присутствие такого огромного количества пословиц в произведениях Салтыкова-Щедрина, конечно, не могло не отразиться на его языке и стиле, ибо достаточно было в каком-либо очерке появиться даже одной пословице, как она уже сообщала слогую особую окраску и тональность и вместе с тем требовала подбора созвучных речевых средств, создания соответствующего ей окружения. Поэтому есть основание говорить о том, что пословицы в известной степени определяли своеобразие слога Щедрина, влияли на его речетворчество, способствовали развитию фабульной ситуации ряда произведений и вообще заметно окрашивали всю языковую ткань его произведений.

Обратимся прежде всего к стилистической роли пословиц, выступающих у него в качестве атрибутов эзоповской манеры выражения. Нет сомнения, что это был довольно богатый материал, близкий и часто тождественный щедринским ино-

сказательным формулам. В поговорах уже потенциально заложена обиняк, то есть она по своей природе синоказательна. Так что поговориные выражения можно считать типичными атрибутами эзоповского языка Щедрина.

В Щедринской редакции каждая поговорка и поучала такое наполнение, что «обиняк» неизменно прилигался к язвам современной ему действительности. Вот, например, такое наполнение получает у него выражение «Было бы болото, а черти будут». В котором потенциально заложена общая идея, допускающая разнообразное наполнение конкретными содержанием:

Мушкетеры: «Что делать? Сходил бы в департамент похлопотать о назначениях, перемещениях и увольнениях, но зная что после бешеных аней масленицы чиновники сидят на работе, болтают по углам, курят трубки и в лицах их много о...

... «было бы болото...»
Панпадуры и помпашур-ши - II, 2117

Как и следовало ожидать, сатирик переключил свое внимание на осуждение социально-политического климата, сообщая ему в аллегорической форме явный неодобрительный оттенок. Причем, подобная тенденция социальной ориентации поговориных изречений весьма характерна для языка Щедрина.

Поговорки служили Щедрину не только средством своего рода речевой конспирации, но и часто являлись отправным моментом для развития серьезных ситуаций. В сказке «Карась-идеалист

стоят и образная структура определены поговоркой „На то и щука в море, чтобы карась не дремал“, а в „Вяленой вобле“ ризвортывается идея поговорки „Маленькая рыбка лучше, чем большой тиракан“.

Несколько поговорок органически входили в состав шедриновского языка и в какой степени они проинтегрировали словесную ткань его произведения, можно судить по многочисленным случаям включения поговорок в авторское повествование. Это включение сопровождается нарушением обычного поговорочного тиракета, так как сатирика подчас занимает не столько внешняя, композиционная сторона, сколько внутреннее содержание поговорок, идея и образы, заложенные в них. В текстах Шедрина легко обнаруживаются примеры стилистической трансформации поговорок, благодаря которой повествовательный язык автора освежался и разнообразился.

Например, в очерках „За рубежом“, описывая свои скитания за границей, и наступившие там осени, автор признается: „...тануло ни север, в печное тепло, за двойные рамы, в страну пирогов с грибами и германских языков за зубами... Даромо там“ (VIII, 247).

В „Недокопченна беседа“ сатирик говорит о том, что „ветаризму администраторы знали, то хотят, и в согласность с сим требовали; журавлях не разговаривали, а прямо указывали на синицу. Зето уж если потребовал генерал синицу, то хать тресни, а подай; а не подай — чурри!“ (II, 279).

Примеры такого „анатомирования“ поговорок,

различия пословичного стереотипа весьма характерны для стилистической техники Щедрина. Кроме образного развития компонентов пословиц, Щедрин часто практиковал доработку многих изречений, производившуюся в целях уточнения недоговоренностей, а также заострения и усиления их. Он в ряде случаев делал эти „обыняки“ более прозрачными и конкретными. При этом пословицы варьируются им так, что их широта и абстрактное значение сменяется более узким и сатирически заостренным. Выборник сильных и конкретных выражений, Щедрин не всегда, например, удовлетворялся пословицей „Корни учения горьки, зато плоды его сладки“. Примененная ко многим видам сечения розгам не столько в любительских целях, сколько в административных, она нередко переосмысливалась, даже затуманивалась в противоположность этой проблеме. Поэтому он подвергает ее оригинальной сатирической модернизации: „Секи шибче, секи не спущаясь, ибо все то добро, все то на пользу. Смело пиши всяко пыко в строку, ибо корни сечения горьки, но плоды его сладки“ (VI, 301).

В таком же плане выступают у него пословицы: „Наша изба не одними мздоимцами красна“ (IX, 13), „И пойман, да не вор, потому что кому же судить“ (VII, 107), „Взглянул, словно потинником подарил“ (т.е. рубль очень подешевел, X, 304); негодник у него заявляет: „С голоду по нитке — сытому рубаха“ (X, 122) и т.п.

Свое собственное речетворчество Щедрин ориентировал на типично пословичные формы выражения; по образцу их он создавал свои афоризмы

и изречения. Если в смысле архитектоники они не представляют чего-либо нового, то в отношении содержания — это явные фразеологические неологизмы. К ним можно отнести собственные щедринские пословицы: «Копи любовь, а не деньги», «Не любишь, так не люби», «От благура до динансиса рукой подать» (I, 404); щедринская поговорка «Будочник без свистков — все равно, что мужик без пертков» (I, 293) по интонационной организации, размеру и ритму повторяет наиболее популярный конструктивный тип народных афоризмов.

Итак, мы видим, что в сатирическом языке Салтыкова-Щедрина пословицы играли весьма ответственную роль. Являясь жизненными атрибутами разговорного языка, они существенно просфилировали его членско-формульные, которые под воздействием этих самородков народной речи сделались более доходчивыми и образными.

Афористическая цельность и законченность пословиц, характерная для них экономия речевых средств сообщались щедринским фразеологическим единством, которым также свойственна лаконичность и смысловая едкость.

Стилистические полномочия пословиц, обусловленные объективно-сатирической направленностью произведений и соответствующей им стилистической техникой сатирика, были очень богатыми и разнообразными.

Распространение пословиц на экспериментальные
социально-политические преобразования, постановки
включении их в язык и творческого воображения,
заострение их смысла, модернизация содержания,
варьирование структуры, создание собствен-
ных пословиц и изречений, развитие поэти-
ческих образных ситуаций и образных си-
стем произведений — все это существенно от-
личает и индивидуализирует шедеврские при-
емы стилистической трансформации этих из-
речений народной мудрости.

Великий русский сатирик не только высказы-
вал оригинальный взгляд на происхождение и
сущность пословиц, но и продемонстрировал
наиболее совершенные формы литературного
освоения их.

Академик С. А. Жебелев.

В Ленинграде скончался заслуженный деятель науки академик Сергей Александрович Жебелев. Не одно поколение советских историков и филологов с грустью услышит эту новость. С. А. умер в преклонных годах.

Совсем недавно научная общественность Москвы и Ленинграда отмечала 50 летие научной деятельности покойного. Но это был еще полный сил и кипучей энергии ученый, учитель, друг и наставник. Работать, трудиться — это был девиз всей его долгой жизни. Это прозвучало предсмертным призывом к его ученикам и приемникам и на юбилейных торжествах в его честь.

Творческая жизнь С. А. — пример для многих. Это был не книголюб филолог-классик, забывший за книгами живую жизнь. Это был ученый, по новому осветивший многие проблемы античности, благодаря чему иначе звучали ответы и на некоторые вопросы, волнующие и современность.

Это был большой ученый, который не считал себя непогрешимым в проделанной им работе, окрылял и излучал ему на смену живым словом привет, помощи и признания их права на критику его выводов о многом из того, что он поднимал из небытия, из обломков сокровищницы прошлого.

Это был живой человек, потому что он был большим человеком и крупным ученым, потому что он был постоянным тружеником всю свою долгую прекрасную жизнь. И не одно еще поколение советских историков и филологов будет пить из того живого родника, который

Высен из серых, обломанных зреческих ищутисей
и обломков этой тонкой молодой бужон
крупнейший этиграфист, историк и филолог-
классик.

ГЛАЗАМИ ЗРИТЕЛЯ
(о фильме „Непобедимые“)

На экранах Союза появился новый художественный фильм „Непобедимые“ о мужестве ленинградцев, их непоколебимой вере в окончательную победу, их трудовом героизме. Эта картина более чем актуальна, сейчас, когда блокада города Ленина прорвана, когда город Ленин вновь территориально слился с необозримыми просторами России, когда дни голода и холода остались позади, картина приобретает этический смысл.

Несомненно, что фильм „Непобедимые“ является поистине страницей грандиозной эпопеи о Великой Отечественной войне.

Главное действующее лицо картины — директор завода инженер Родионов (актер Бабочкин) — ленинградец в самом высоком смысле этого слова. Он не мыслит себя без Ленинграда, города, в котором вырос, стал человеком. Он не мыслит себя без завода, руководство которым доверено ему партией и правительством. Он безраздельно предан работе и даже явная опасность не может заставить его отступить хотя бы на шаг от задуманного и намеченного.

Родионов — это собирательный образ, образ большой и значимой правды, это синтез всего лучшего, что должно характеризовать советского человека в период Великой Отечественной войны и поэтому воздействие картины в равной степени сильно и на ленинградцев и на москвичей и на жителей Украины. Короткий, но выразительный отрезок жизни Родионова, запечатленный в картине, должен сы-

грать воспитательную роль огромной важности. В этом отношении Родионов является как бы иллюстрацией к роману Пастернака, "Математика". Дубенко — это тоже властный, волевой командир производства, своим трудовым энтузиазмом заражающий окружающих.

Дубенко также, как и Родионов, добывает в работе свое личное. Но нельзя не указать и на ряд недостатков в картине недостатков. Неприятные впечатления оставляет марксистское преувеличение пафоса — интеллигентства, в картине притягивающей на максимальную реалистичность.

Сомнение вызывает так же сцену в кабинете Родионова, когда Настя Ковалева одевает ребенку новое платье по аккомпанименту разрывов. Интересный образ мальчика Сережи, появляющегося то на крыше дома во время тревоги, то на поле боя, чтобы сбросить гранату для голодающей бабушки, раскрыт не до конца. И зритель остается неудовлетворенным — он не знает, что же стало с Сережей, спрятавшимся в воронке снаряда во время яростной атаки немцев. Зритель хочет видеть Сережу живым, ибо такие, как он — наше будущее.

Замечательно дана психологическая черточка поведения маленькой девочки. Разорвавшаяся бомба убивает мать девочки и обсыпает девочку землей. Горькое, что делает ребенок, прижал в себя, это отражает фартучек. Да, война не должна касаться детей! Их надо убересть от этих ужасов, убересть детский впечатлительный ум от тяжелых психических травм.

М. Окунов.

Американские кинофильмы.

Если не говорить о фильмах Чаплина, с которыми наша публика была знакома давно, то любовь американские кино-картины советские зрители начали со времени „Большого вальса“.

Штрауса в нашей стране любят и знают, но особенно понятным и близким для широкой массы им становится со времени „Большого вальса“.

В начале прошлого буквально, какое-то явление Штраусом. Публика набросилась на все его произведения, каждая его музыкальная строчка вызвала неподдельный восторг, — как будто о нем узнали впервые.

В библиотеках читатели то и дело спрашивали: „Нет ли у вас близнецов Штрауса! Того самого... Библиотекарь уже знал, о каком Штраусе идет речь. И часто между читателем и работником библиотеки тут же начиналась обиходная киноредакция...“

Люди нашей страны едва потребил вальсы Штрауса, полюбили и „Большой вальс“ — самый обыкновенный фильм по традиционной схеме „муж-жена-любовница“. Неужели было потому, что этот фильм пронизывала неслабая волнующая музыка Штрауса, советский зритель и любил американские кинокартины.

Именно как музыка вспоминается и кинофильм „Песнь о любви“, с его лирической задумчивостью, с его музыкальным страданием и радостью.

... Далекая Италия, город Сорренто... Молодой рыбак Антонио случайно становится оперным певцом. Потом — обычная для фильмов этого рода тема ревности; душевные страдания героев так

остро подчеркнуты, песней о любви, музыкой, волнующей всякого, кто может ее понимать. И в заключение — сцена на балконе из „Ромео и Джульетты“.

Американские кинофильмы... Что общего, музыка бы между „Большим вальсом“ и „Песня о любви“? — Их музыкальность.

Зритель прощал этот фильм даже их недостатками. Прощал ради их музыки. Ведь у нас было так мало хороших музыкальных фильмов. Разве вот одна „Музыкальная история“... Да и то — она появилась после „Большого вальса“.

Еще меньше интереса со стороны сюжета вызвал фильм „Сто мужчин и одна женщина“. Но музыка, музыка... Чайковский, Бизе, Моцарт, Верди — в исполнении оркестра Леопольда Стоковски вызвали бурю восторгов в зрительном зале. И сюжет? Зритель пожимал плечами и даже не улавливал несвязности сюжета. Зритель ждал американских кинофильмов, ждал потому, что там была музыка. И мы ждем быть этим объяснением появления, уже во время войны, кинофильма „Мелодия вальса“. Публика ждала музыки... И она ее получала, но в наем вое!

Если первый американский фильм явился популяризацией Штрауса, если там его музыка была органически связана с действием (вспомните хотя бы сцену в лесу!), то в „Мелодия вальса“ публика увидела (и услышала!) Штрауса, переименованного в окрошку с указанием, уживающегося рядом с самой позаной джазово-джазовой музыкой.

Зритель снова стонет за Штрауса и больно, больно за ту музыку, которую он слышал когда-то...

И зритель невольно подумал: неужели в Америке так мало хороших фильмов?

Но зритель ошибся... И мы увидели „Трех мушкетеров“ — кинокомедию по роману Александра Дюма (как значилось на экране). Уже одно это вызывает что-то удивление: кто не любит Дюма? Кинокартина хороша, ее смотрят с удовольствием, смеются до слез, смеются и думают: „Ах, в Америке знают, что такое смех!“

Последним кино-фильмом из Америки является фильм „Очарован тобой“. Создает его вратарь голубой: талантливый певец Аллен Эппеллоптурт — своим антрепренером. Станция он работает в Нью-Йорке, завтра в Чикаго, послезавтра уже где-нибудь... Аллен не выдерживает такой жизни и уезжает домой. Сумасбродил миллионерша мисс Дрексел, которая во что бы то ни стало хочет, чтобы Аллен выступал у нее на частном вечере, летит за ним на самолете. Между певцом и ею начинается роман и фильм заканчивается счастливым браком. Аллен поет песенку „Очарован тобой“. Картина хорошая. Но только. После просмотра картины зритель начинает сомневаться: „Что это? Зачем фильм вынужден на советские экраны в наше время?“

Везде Америка создала такой остро-эротический фильм, как „Диктатор“, с участием Керри Чаплина! Почему он до сих пор не появляется на наши экраны? Почему? Неужели фильм „Очарован тобой“, пусть даже не плохой фильм, важнее для нас, нежели чаплинский „Диктатор“?

Только времени советской зритель видел Чаплинского фильма...

В. Шабренский.

САТКАРА И КОМОРА.

ЭПИГРАММА

К. Д.

Пусть этот стих и плох и хром
но все же в нем сквозит ищущка.
Вначале вот таким стихом
ты в совершенстве овладеешь-ка.

х

х х

Мне кажется это — беда из бед,

по моему это — из горелтей горе
горе.

Мальчишка стишонку напишет — порт

и ему по колено море.

Еще раз напишет, первого врага,

и тут и вопрос просят —

„у нашего, у Володи

наступает творческий рост.“

И полилось

и не хочет трудиться

над словом,

за стол на часы засеб,

когда встодит в строку

вся его

эрудиция,

что

„мысли стьнут“

„взрывает слезы“ ..

Вдумайтесь лучше
в сплетенные строчки,
аналогичный
припомнив случай,
и вы убедитесь,
поэзия должна,
в безмыслии
этих созвучий.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НОВОСТИ

ШАБРЯНСКИЙ

„Переводы Интернационализма с украинского на русский и обратно“

РАТКЕВИЧ

„Мечтающей шутушка в свете стелуцих событий“

ОКУНЕВ

Сборники стихов:

1. „Действительность и Я“
2. „Я и действительность“
3. „Я“

Альманах филологического факультета Пермского (Молотовского) государственного университета им. А.М. Горького «Молодость». Рукописный экз. (1943 г.). // Ф. 4073. Оп. 1. Д. 171.